

ТРЮК ФИЛОСОФИИ САМОСОЗНАНИЯ ИЛИ КАК ДОСТУЧАТЬСЯ ДО ДРУГОГО

Либерман Самсон Александрович

кандидат философских наук, доцент

Казанского (Приволжского) федерального университета,

e-mail: samsonliberman@gmail.com

г. Казань

Аннотация

В статье предлагается взгляд на «проблему Другого» как специфическую проблему западной философской традиции или конкретно философии самосознания. На примере конкретных ходов мысли показывается принципиальная не-решаемость этого парадокса в рамках указанной традиции как в классическом ее варианте (Декарт, Гегель, Гуссерль) так и в более современных (психоанализ, экзистенциализм и т. п.)

Предлагаемое же решение лежит в области обращения к мифологической традиции, утверждения в качестве фундаментальной предпосылки философствования не самотождественности и даже не несамотождественности, но Различия и множественности. Указывается, что подобные обращения являются общим местом нескольких современных философских традиций, прежде всего связанных с наследием Ж. Делеза, а также ряда дискурсивных практик, связанных с экологией.

Ключевые слова: тождество, самотождественность, самосознание, философия самосознания, различие, Делез, экология, Другой, Чужой, Иное.

THE TRIK OF THE PHILOSOPHY OF SELF-CONSCIOUSNESS OR HOW TO GET ACCESS TO OTHER

Liberian S.A.,

Ph.D., senior lecturer of Kazan (Volga Region) Federal University,

Kazan

Abstract

The article proposes a view of the «problem of the Other» as a specific problem of the Western philosophical tradition or specifically the philosophy of self-consciousness. Using the example of specific courses of thought, the fundamental insolubility of this paradox is shown within the framework of this tradition, both in its classical version (Descartes, Hegel, Husserl) and in more modern ones (psychoanalysis, existentialism, etc.)

The proposed solution lies in the area of referring to the mythological tradition, affirming as a fundamental prerequisite for philosophizing not self-identity and not even non-self-identity, but difference and plurality. It is pointed out that such appeals are a common place of several modern philosophical traditions, primarily associated with the legacy of J. Deleuze, as well as a number of discursive practices associated with ecology.

Key words: identity, self-identity, self-consciousness, philosophy of self-consciousness, difference, Deleuze, ecology, Other, Alien, Another.

Я позволю себе начать с демонстрации некоторого хода мысли, который я рискнул назвать трюком философии самосознания. Этот трюк используют прежде всего Декарт и Гуссерль, использует классическая философия в целом, в неклассике же существует особая версия этого трюка, связанная с негативностью. Для демонстрации трюка я написал своего рода медитацию, стилизованную под произведения Декарта, Гуссерля и текстов, растущих из этой традиции, например, текстов Мамардашвили и Пятигорского.

Так как я учился, рос и работаю в конкретном месте с конкретными людьми, то моя стилизация неизбежно будет напоминать ироничную или даже едко-саркастическую пародию на манеру речи-

размышления конкретных людей. Однако я прошу воздержаться от такого прочтения. В мои задачи не входит оскорбление и(или) высмеивание, мне важно выделить тот ход мысли или трюк, который кажется мне важным. Сходство намеренно гипертрофировано для того, чтобы оставаться лишь внешним и стилистическим, но не содержательным.

Если же кто-нибудь захочет воспринять это как личный выпад или адресную критику, то я сразу готов признать свою критику несостоятельной. В терминах теории аргументации я совершаю ошибку подмены. Я приписываю своим «оппонентам» тезисы, которые они не высказывали, и которые они не признают в качестве своих. Еще раз повторюсь, что персонаж, от лица которого написан текст ниже, является персонажем и только. Строго говоря, я спорю лишь с *образом Другого*, существующим исключительно в моем воображении и в этом тексте:

«Я читаю доклад.

Это высказывание перформативно и тавтологично. Им открывается не только доклад, но и его чтение и я как читающий. Строго говоря, «доклад», «чтение» и «я» – в данном случае тождественные понятия. Я и есть докладчик и читающий; чтение и есть разворачивание доклада и меня как читающего; доклад существует только в этом разворачивании в чтении и во мне. Это совпадение, своеобразное триединство существует только в этом высказывании, которое одновременно и реальный процесс – когда я говорю, что я читаю доклад, я действительно это делаю.

Именно это единство мысли и существования, совпадения «есть» как логической связки и «есть» как фиксации реального заворожило в свое время Парменида. Оно же завораживало Августина, Декарта, Гуссерля и многих других. Оно же завораживает сейчас и меня (завораживает прямо сейчас, пока я читаю доклад). Оно же затягивает и удивляет сейчас тех, кто слушает меня, то есть слушает мой доклад и мое чтение. С этого удивления совпадения себя мыслящего с собой существующим и начинается философия или(и) философствование»

Однако если мы отступим чуть в сторону от этой замороженности, то увидим трюк, незаконный ход мысли, что мы себе только что позволили. Из совпадения моего мышления и моего бытия в конкретном моменте чтения доклада вовсе не следует совпадения меня с вами и тем более не следует совпадения с Парменидом и остальными. Строго говоря, из этого тождества следует прямо противоположное.

Если говорить совсем грубо, из того, что я читаю доклад, вовсе не следует, что вы меня слушаете. А даже если и слушаете, то не факт что слышите. А если и слышите, то вполне вероятно, что не можете воспроизвести и почувствовать то же самое. Как сказали бы аналитики, вместо утверждения «вы меня (доклад / чтение) слушаете», нужно говорить «я предполагаю, что вы меня слушаете». И точно так же я должен предположить или учесть обратный вариант.

Другой всегда остается только моим предположением о Другом, переносом и переводом этих предположений во вне. В этом смысле Парменид действует честнее, чем Декарт, когда утверждает единородность, то есть уникальность бытия. Из самотождественности нельзя вывести ничего кроме самотождественности, тем более нельзя вывести Другую самотождественность или бога.

Но декартовский Другой, то есть бог, вытекает не столько из полноты самотождества, сколько из его неполноты. Собственное несовершенство, сомнение становится основанием существования Другого. Именно из этой негативности или разрыва в собственной самотождественности Декарт выводит необходимость совершенного существа. Кант повторяет этот ход с вещью-в-себе. Однако вскоре, например, уже у Гегеля, этот трюк будет объявлен незаконным. Другой останется всегда только моим предположением о Другом, или точнее «моим Иным».

Это хорошо видно на примере интерпретации Славоем Жижекком фильмов «Экзорцист», «Чужой» и «Диктатор» в его первом киногиде от 2006: «мы сами и есть наши чужие, контролирующие наше тело. Люди – это чужие, управляющие своими животными телами. Наше эго, наша психика – это чужая сила, искажающая, контролирующая наше тело» [1]. Агентность чужого захватчика проявляется

в голосе. Именно голос превращает персонажа немого кино (наивно-го, лишенного внутренней глубины) в Диктатора. Голос даёт нам способность диктовать-диктаторствовать немому телу свою волю.

Это «заземление» Другого или даже Чужого в собственной незавершенности или несамотождественности характерно для неклассической философии в целом и для психоанализа в частности. Если первая очевидность Декарта – это собственная мысль в ее совпадении с моим существованием, то психоанализ будет искать несовпадения и разрывы в этой мысли. Но Другой все равно остается моим Иным, моей проекцией, моим другим Я.

Как бы психоанализ не настаивал на фундаментальности этого внутреннего разрыва, он все равно остается продолжением философии самосознания. Все эти расколы остаются внутренними, то есть они остаются частью моего мира, моей психики или души. Моя душа оказалась устроенной чуть сложнее, чем представлялось Декарту, но она все еще существует исключительно в своем мышлении-речи. Я совпадаю с собой в собственном голосе, я одновременно и говорящий, и слушающий, и сам себе возражающий, я сам и есть свой Другой.

Именно в этом положении психоанализу противостоит шизоанализ Ж. Делеза и Ф. Гваттари и несколько современных традиций, выросших из «Капитализма и шизофрении» [2]. Потoki, машины, ризомы, территории самого Ж. Делеза [2]; девятки, инсайдеры-аутсайдеры, нефть Р. Негарестани [3]; шифры, коды и змеи Н. Ланда [4]; сети и акторы Б. Латура [5]; толстая кишка Джека, смех Джокера, фиксика и головоломки – все эти образы призваны утвердить множественность и неполноту как фундаментальные исходные положения. Утвердить фундаментальное Различие на месте фундаментального Тождества.

Но если довести эту мысль С. Жижека с само-экзорцизмом Чужого до конца, то может получиться еще интереснее, чем шизоидность и ее производные. Дискурс экзорцизма, то есть бесоводства и шаманизма, изначально тоже предполагает множественность. Я не просто Чужой в человеческом теле, я один из Чужих, наиболее успешный и (или) удачливый из них. Я стараюсь всеми силами удерж-

жаться в этом теле, в то время как мои бывшие соратники стараются в него вторгнуться.

Часто мифы описывают богов как особых демонов-духов, благосклонных к людям или заключивших с ними союз. Мотив прирученных духов-защитников, помогающих бороться с другими духами и получающих взамен кусочек человеческого те(п)ла, распространен и в фэнтези, растущем на фольклоре, но особенно популярен в РПГ. Мы можем продолжить эту логику дальше, представив себя одним из таких духов, обороняющих свое «неродное» тело от конкурентов.

То есть шизоиден не я, а окружающий мир. Именно мир раздроблен на множество чужих-духов-голосов, а я являюсь только одним из них. Мое выживание напрямую зависит от прочности границ моей самости, имея человеческое тело, я вынужден всю жизнь держать оборону от моих бывших товарищей, оставшихся снаружи. Эта вывернутая наружу шизоидность скорее ближе к паранойе, одержимости Другим и Внешним. Или к мифу.

Нужно пояснить здесь, что позиция уникальности и друговости в мифе связана не с душой-речью-мышлением, а с телесностью. Я отличаюсь от вещей, идей и прочих сущностей не наличием души (она есть буквально у всего, все сущее обладает голосом и является духом), а наличием тела [6, с. 19]. И все остальные сущности охотятся за моим телом, поэтому я вынужден это тело хранить и оберегать.

Отношение между позициями «Чужого» «Другого» в мифе будут отличаться от традиции «западной». В последней разговор о Другом возможен только как о моменте или проявлении Тождества, всегда временном и сменяемом единством. Другой – это мое Иное. Чужое же невозможно онтологически, поскольку все суть одно. В мифе же Другой – это Чужак, обладающий телом, сходным с нашим, а потому не представляющий для нас прямую угрозу потери самости.

Для нас контакт с Другим – это интерпретация, понимание мыслей, речи и чувств (установление собственно факта наличия чужих мыслей, речи и чувств, то есть другого сознания). В мифе контакт с Другим – это наблюдение за движением, трапезой, смертью (уста-

новление собственно факта наличия чужого движения, трапезы и смерти, то есть другого тела) [6, с. 19].

Проблема Другого для нас связана с установлением факта *действительно другого* сознания, а не продолжения моих ожиданий, проекций и т. д. Для мифа уникальность зависит от телесности, поэтому мы должны установить факт другого *действительно тела*. Чужеродность сама по себе не является проблемой – все является чужим, а вот наличие тела у Чужака, то есть возможность контакта и взаимодействия с ним – это вопрос. Грубо говоря, проблема Другого для нас – это всегда философская проблема, поскольку она несет в себе противоречие на уровне онтологии. Для мифа Другой – это проблема сугубо практическая.

Когда колонисты сталкиваются с индейцами – их задача установить, что последние обладают душой и сознанием, и, что главное, действительно другим сознанием, а не продолжением или проекцией сознания колонистов. Индейцы же лишь должны установить факт наличия тел у чужаков, например, наблюдая за гниением их трупов или в процессе каннибальских обрядов [7, с. 329].

Проблема Другого, представленная нами как «проблема колонистов», может показаться забавной (действительно ли индейцы обладают сознанием или я только на них набрасываю свои проекции?) поскольку мы уже знаем, что колонизируемые индейцы действительно обладают самостью и сознанием. Но если мы перенесемся в воображаемую ситуацию инопланетного контакта, то все окажется намного серьезней. Можно вспомнить здесь «Солярис» Тарковского, а можно передачи по условному «Рен-тв» – проблема вычленения Другого из собственного опыта будет здесь основной.

Мой тезис следующий – именно тот философский трюк, что я продемонстрировал в начале, ход мысли свойственный философии самосознания (как в классическом, так и в психоаналитическом изводе) делает контакт с Другим для нас невозможным.

После «первого контакта» нам потребовалось еще 200 с небольшим лет на то, чтобы включить Чужака в наши отношения, произвести индейца как Другого, присвоить его в качестве своего Иного,

то есть колонизировать. Только когда индеец стал высказывать свое отношение к навязанным ему отношениям (причем высказывать на понятном нам языке), мы смогли получить того самого социологического Другого, с которым мы худо-бедно можем работать.

Индейцам же не потребовалось такой гигантской теоретической работы для того, чтобы признать нас в качестве Других. Им потребовалось лишь убедиться в нашей телесности.

Путь к контакту с Другим лежит не в нарциссической плоскости самолюбования самотождественностью, и точно так же не в шизоидной расколотости и открытости потокам, но в параноидальной и мифологической закрытости от чужаков. Постоянно дробящиеся соцсети или так называемые медиа, равно как и экологический дискурс грядущей катастрофы, делают шаг в эту сторону.

Литература

1. *Жижек Сл.* Киногид извращенца [Электронный ресурс] // vvord.ru: тексты фильмов. URL : <https://vvord.ru/tekst-filma/Kinogid-izvraschenca/3> (дата обращения: 29.10.21)
2. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
3. *Негарестани Р.* Циклопедия: сочастие с анонимными материалами / пер. с англ. П. Хановой. – М.: Носорог, 2019. – 272 с.
4. *Ланд Н.* Киберготика / пер. с англ. Д.Я. Хамис и др. – 2018. – 208 с.
5. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
6. *Кастру Э.В.* Канибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 200 с.
7. *Левин-Стросс К.* Раса и история // Путь масок / А.Б. Островский (пер., вступ. ст.). – М.: Республика, 2000. – 400 с.